

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Серия: Математика. Физика. 2014. №19(190). Вып. 36 171

ИСТОРИЯ МАТЕМАТИКИ

MSC 01A55

**РЕАЛЬНЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ ВГУ.
ПРОФЕССОР ЧИСТОЙ МАТЕМАТИКИ В.Г. АЛЕКСЕЕВ
И ЕГО ВКЛАД В СТАНОВЛЕНИЕ ВГУ****В.А. Костин, Ю.И. Сапронов, Н.И. Удоденко**Воронежский государственный университет,
Университетская пл. 1, Воронеж, 394006, Россия, e-mail: vlkostin@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена истории возникновения Воронежского государственного университета и роли, которую сыграл при этом первый ректор университета — математик В.Г. Алексеев.

1. О предмете обсуждения. В трех номерах газеты «Воронежский университет» (7.03.13, 29.03.13, 19.04.13), а также в газете «Воронежский курьер», в статьях под общим названием «Об одной мнимой сенсации из истории основания Воронежского университета», опубликована точка зрения историка М.Д. Карпачева на проблему связанную с историей основания нашего университета. Как известно, эта его точка зрения не нова, и она сформулирована в работах [5,6]. На этот раз предлогом для очередного ее высказывания явилась публикация нашего исследования о жизни, научной и административной деятельности русского ученого, представителя московской математической школы конца девятнадцатого и начала двадцатого века, профессора чистой математики Виссариона Григорьевича Алексеева, трижды избиравшегося ректором Юрьевского университета (1909-1912, 1912-1914, 1917-1918 гг.), а кроме того в разные годы бывшим и деканом физико-математического факультета и проректором этого университета. Под его руководством Юрьевский, а с 18 мая 1918 года уже Воронежский университет в Юрьеве, был переведен в г. Воронеж летом 1918 года. Странно, но публикация почтенного историка, очевидно претендующая на некую научность, почему-то носит назидательно-фельетонный характер. Используя этот жанр, автор с позиций эдакого «мэтра», владеющего абсолютной истиной, в покровительственно-снисходительном тоне вводит в суть проблемы, поднятой в нашей публикации, сдабривая текст комплиментами вроде: «Почин трех математиков бесспорно благороден». По-видимому, этой похвалы мы удостоились за «очередную попытку обогатить историографию Воронежского университета». И тем самым «авторы довольно неожиданно решили вмешаться в деликатный вопрос об истории основания Воронежского университета». И далее, «будучи специалистами в области точных наук, решили поправить утвердившееся в работах историков положения», и т.д. И, наконец, после поднятия нами бровей с вопросом «в чем же заключается несостоявшаяся сенсация?», объявляется:

А). «Сенсационный характер носит, в частности, их утверждение о том, что первым ректором Воронежского университета был именно В.Г. Алексеев, удостоенный даже титула основателя нашего ВУЗа».

Б). «Наши математики решили прямо высказаться в поддержку весьма амбициозного положения о том, что Воронежский университет является правопреемником Юрьевского».

Удивительно, почему же это — сенсация, и почему она не состоялась? Оказывается, что «< ... если перевести анализ событий прошлого в плоскость научного и строго выверенного знания ... >», то именно этот вывод «почтенных математиков» и является той самой сенсацией. Но как же тогда быть с такими положениями, надо думать утвердившихся историками:

1). «В 1918 году на базе эвакуированного Юрьевского (Дерптского) университета был открыт университет в Воронеже. Главной задачей физико-математического факультета университета являлась подготовка педагогических кадров для средней школы. Математику читали В.Г. Алексеев, первый ректор университета, и П.П. Граве» [1], с. 30.

2). «Физико-математический факультет ставил главной своей задачей подготовку преподавателей средней школы. Лекции по математике начал читать В.Г. Алексеев, исследования которого по применению теории инвариантов в химии высоко оценивались многими крупными химиками. Он же был первым ректором университета» ([2], Черпаков В.В.). 3). Б.С.Э., т. 5, статья «Воронежский университет» 1976 г. «... основан в 1918 году, на базе Юрьевского университета, который был эвакуирован в том же году в Воронеж» (П.М. Гапонов).

4). Б.С.Э., т. 25, 1976 г., статья «Тартуский университет»: «... в 1918 году, на базе эвакуированного в Воронеж части Тартуского университета (тогда Юрьевского) создан Воронежский университет».

5). Загоровский В.П. «Весной 1918 года партийные и советские органы Воронежа обратились в Наркомпрос с предложением о переводе в Воронеж Юрьевского университета, поскольку город Юрьев был оккупирован немецкими войсками... Было принято решение о переезде профессоров и студентов Юрьевского университета в Воронеж и создание на базе Юрьевского университета нового Воронежского государственного университета» (см. [9], с. 148).

6). Лаптева Л.П. (проф. МГУ) «С началом Первой мировой войны положение Юрьевского университета осложнилось, и в 1918 году он эвакуировался в Воронеж» (см. [10], с. 96).

Более того, версия образования ВГУ в результате перевода Юрьевского университета в 1918 году, и как следствие его правопреемственности считалась традиционной. Причем датой его основания считалось 18 мая 1918 г. Что и отражено на гербе университета. Но появилась и другая точка зрения, которая принадлежит проф. М.Д. Карпачеву. По его версии Воронежский университет является самостоятельно созданным вузом, а не результатом перевода Юрьевского университета в Воронеж. В [6], с. 65 он пишет: «Следует подчеркнуть немаловажную юридическую деталь: народный комисариат принял решение не о переводе Юрьевского университета, а об основании нового в Воронеже». После такого рода положений, как мы поняли, «утвердившихся» в работах историков, у нас определились вопросы, без ответа на которые терялись полностью описания жизни В.Г. Алексеева и как ученого, и как администратора. Вопросы эти бы-

ли заданы М.Д. Карпачеву в нашей брошюре [8], с. 6. Ответы на них, приведенные в газете «ВГУ» от 29.03.13, мы попытаемся обсудить, а заодно и проследим за методикой доказательства уважаемого историка «в плоскости научного и строго выверенного знания (? -авт.)».

2. Когда был упразднен Юрьевский университет, и было ли по этому поводу специальное постановление Советского правительства?

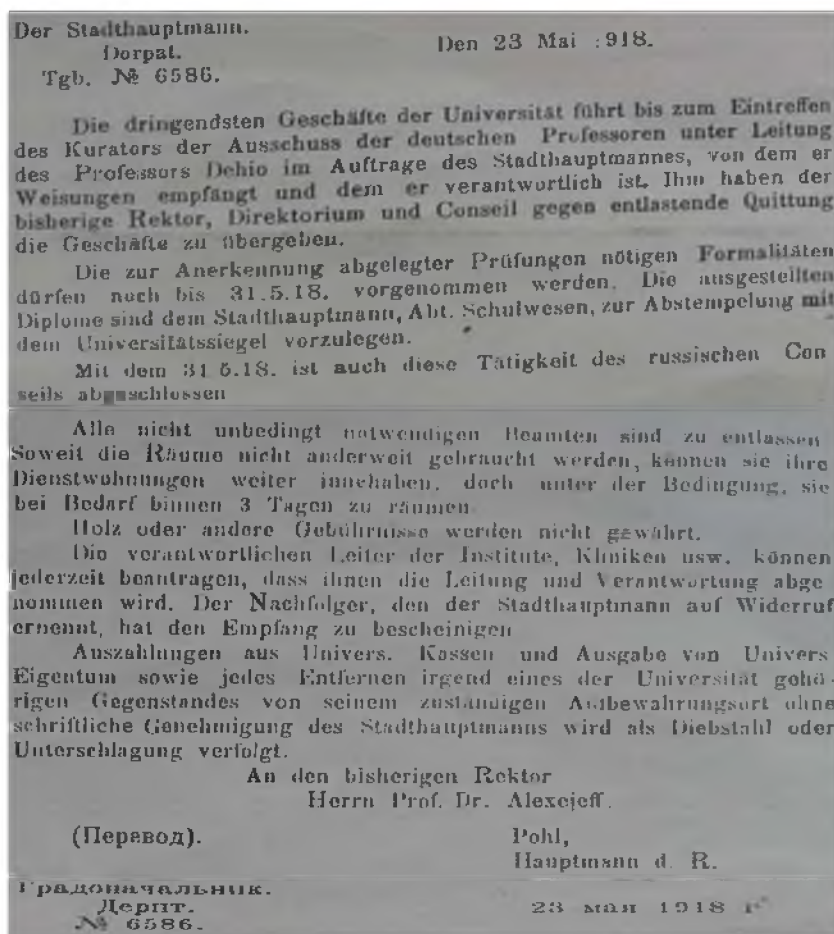

Рис. 1. Распоряжение градоначальника Поля о неприкосновенности имущества Университета.

М.Д. Карпачев (в «ВГУ» от 29.04.13): «Юрьевский университет как русское учебное заведение закрывался по решению немецких и эстонских властей, поскольку Юрьев (Тарту) с весны 1918 г. был занят немецкими войсками и находился вне советской юрисдикции. Советской власти закрывать в Эстонии университет не было никакой нужды, за нее это сделали другие». Позвольте! Как же так: «... находился вне советской юрисдикции»? Но когда Комиссариат народного просвещения принял решение по переводу университета, единственным аргументом Комиссариата по иностранным делам не торопиться с переводом в г. Воронеж было утверждение, что Лифляндия (Эстонии тогда не было -авт.) по Брестскому миру оставалась в пределах России ([4], с. 24). И, таким

образом, обсуждался только вопрос о переезде Юрьевского университета в г. Воронеж, а о закрытии не было и речи, хотя Советское правительство имело на это право.

А теперь посмотрим, на основании какой же «юрисдикции» русский университет закрывают эти самые «другие». Оказывается (см. газету «ВГУ» от 29.04.13), «Вполне добросовестно и в целом объективно об истории закрытия русского университета написано в трудах эстонских коллег по истории Тартуского университета, где сообщается, что 23 мая 1918 года комендант Тарту Поль потребовал (см. рис. 1), чтобы правление и Совет Юрьевского университета закончили свою деятельность к 31 мая. Последнее собрание Совета состоялось 31 мая, тогда была создана специальная ликвидационная комиссия».

Спасибо за информацию (или за дезинформацию). Но зачем же так далеко ходить? Ведь это распоряжение нам известно из документов председателя означенной комиссии профессора К.К. Сент-Илера, приведенных в его статье, которой как раз и посвящен наш анализ, составляющий по выражению проф. Карпачева «основу коллективного труда трех ученых» (надо понимать нас) и которой так пренебрегает историк. Мы помещаем фотокопию этого письма в Приложении. Как мы видим, там нет города Тарту, а есть Дерпт. И откуда взялся городу Тарту 23 мая 1918 года, если Дерпт был переименован в Тарту лишь 14 января 1919 года? А откуда в распоряжениях о судьбе Юрьевского университета вдруг появляются эстонские власти? Ведь в распоряжении генерала Адамса от 7 марта 1918 г. ясно сказано: «1. Я определяю: университет в Дерпте есть немецкий университет» (см. [11], с. 26). И эстонских властей как-то здесь не видно. Об этом же говорит и телеграмма императора и короля Вильгельма II от 10 марта 1918 г., напечатанная в газете от 16.09.18, по случаю открытия немецкого Дерптского университета, в которой, в частности, говорится: «... ныне, благодаря победе нашего оружия, духовно свободная *alma mater Dorpatensis* может снова взять на себя свое историческое призвание — быть очагом немецкой духовной жизни». И где же здесь эстонские интересы? Более того, в ответ на незаконное распоряжение Адамса (как потом доказал Ученый Совет университета во главе с В.Г. Алексеевым), профессора эстонской и латышской национальностей А.К. Пальдрок, Г. Коппель, Я. Озе, Э. Фельсберг выразили несогласие с организацией немецкого университета и подали прошение к немецким властям с просьбой разрешить университету продолжать в прежнем виде свою работу до того времени, «когда будет созвано представительское собрание всех народностей области, которое будет компетентно в решении вопроса о судьбе высшей школы». И здесь важно то, что это послание согласовывалось с действиями Ученого совета университета, направленными на доказательство незаконности распоряжения генерала Адамса, с точки зрения международного права, в соответствии с международным законом, закрепленным в ст. 43 IV Гаагской конференции 1907 года, с учетом того, что университет, как научное учреждение, находится под особым покровительством права. В результате таких действий В.Г. Алексеева и Ученого совета никакого закрытия университета не произошло и он продолжал работу в прежнем виде (т.е. не в соответствии с распоряжением ген. Адамса) до окончания учебного года. Таким образом, до лета 1918 г. русский университет в Юрьеве-Дерпте ни фактически, ни юридически не закрывался. То есть, наше утверждение в [8] верно.

3. Когда официально был открыт Воронежский университет, и было ли по этому поводу специально постановление Советского правительства?

Ответ М.Д. Карпачева («ВГУ» 29.03.13): «На это отвечу, что такое постановление действительно не обнаружено. По-видимому, его и не было». То есть, наше утверждение верно и в этом случае. В дополнение скажем, что такого постановления не могло быть в принципе, так как во всех сохранившихся документах речь идет только о переводе Юрьевского университета в г. Воронеж (см. [4], [11], с. 24). Совершенно очевидно, что в период весеннего семестра мы имеем политическую бифуркацию: немцы, на правах (как оказалось не соответствующим международным) оккупантов пытались сделать университет немецким, то есть Дерптским. Россия, на правах учредителя, и как теперь говорят «инвестора» в 1893 (1802) г., совершенно законно считала его русским, Дерптским и Юрьевским. В результате, получился компромисс, реализованный в разделении на русскую и немецкую части. Причем, право выбора, в каком соотношении должно произойти это разделение, было дано коллективу университета. О результатах этого выбора можно судить по следующему документу ([4], с. 23).

Выписка из протокола №21 заседания Государственной комиссии по просвещению О переводе Юрьевского университета в г. Воронеж от 18 мая 1918 г. Слушали VIII. О переводе Юрьевского университета в г. Воронеж. Докладчик тов. Штернберг: 4/5 имущества Юрьевского университета, превращенного в немецкий, находится в Перми, Воронеже и Нижнем Новгороде. 4/5 студентов стремятся вернуться в Россию. Из профессорского состава желают остаться в Юрьеве профессора, главным образом, богословского факультета.

Как известно, это подтвердилось и при реализации раздела университета. В Воронеж переехало четыре из пяти факультетов Юрьевского университета. В это время, Ученый Совет университета интересовали лишь проблемы деятельности университета в осеннем семестре 1918 года [11], и место его дальнейшей деятельности, если окажется невозможным университету оставаться в Юрьеве. К этому моменту, 20 (7) февраля 1918 года, за три дня до оккупации немцами Юрьева уже было принято решение остановиться на г. Воронеже, как месте, где в случае необходимости продолжится деятельность университета.

4. Воронежский университет в Дерпте. Можно сказать, что правовое положение русской части университета, выбравшей для продолжения своей деятельности Воронеж, изменилось с середины мая 1918 года, когда в Риге собрался прибалтийский Земский Совет из избранных представителей Эстляндии, Лифляндии, Риги и острова Эзеля. Одним из принятых решений которого был пункт «... просить германского императора, чтобы он образованное из балтийских провинций государство объединил с Германией». В результате, на этом собрании, без участия представителей университета, был решен вопрос в желательном для немцев смысле, т.е. он должен стать университетом будущего балтийского государства [11] под властью Германии. По словам Сент-Илера «это и было, по-видимому, то решение «конституционно-правомочных учреждений», о котором говорит ген. Котч в своем ответе на докладную записку Совета». И уже 16 мая 1918 г. выходит распоряжение главнокомандующего графа Кирбаха

об окончательном прекращении деятельности Юрьевского университета, как русского университета (т.е. 4/5 его части):

1. Русский ректор университета должен воздержаться от всяких должностных действий.
2. Сношение ректора с русскими властями не допускается.

И как раз в это время по существу меняется статус русского университета в Юрьеве. Так как 18 мая 1918 г. (см. выше приведенную выписку) вопрос о переводе Юрьевского университета был окончательно решен постановлением Наркома по Просвещению. А самое главное! Начинается финансирование университета Советским Правительством! Так, уже 28 мая 1918 г. на счет Университета малая государственная комиссия переводит 150 тысяч рублей ([6], с. 74). А 8 июля возвратившийся после трехмесячной командировки в Москву проф. В.Э. Регель привез, по словам Сент-Илера, «значительную сумму денег на уплату жалования служащим». Таким образом, русская часть Юрьевского университета становится Воронежским университетом в Дерпте. И теперь возникла проблема о переправке (можно сказать эвакуации) университета в г. Воронеж, место его теперь уже законного функционирования. Для решения этой проблемы ректор В.Г. Алексеев, исходя из постановления совещания профессоров, обратился к немецкому командованию с просьбой снести с русским правительством о предоставлении персоналу университета двух маршрутных поездов до Воронежа, одного в середине июня, другого в конце августа. На это был дан ответ: «Что касается ходатайства о предоставлении прямых вагонов из Дерпта до Воронежа, то высшее германское командование готово передать его русскому Правительству». Вот именно к этому времени (23.05.18) и относится приведенное выше распоряжение коменданта Поля, цитируя которое, проф. М.Д. Карпачев явно подыгрывает мифическим эстонским властям, которых в том момент не было. А были только немецкие власти и их интересы, которые, разумеется, не совпадали с русскими.

5. В.Г. Алексеев, первый ректор Воронежского университета. Итак, что мы имеем в итоге? В марте 1918 г. немцы, пользуясь оккупацией Прибалтики, попытались Юрьевский университет сделать немецким. Но Ученый совет университета во главе с ректором В.Г. Алексеевым, при участии известного специалиста в области международного права В.Э. Грабаря, доказали неправомерность соответствующего распоряжения. Далее, пользуясь свободой волеизъявления большинства персонала университета (4 ф-та из 5 и 4/5 имущества), выразившемся в желании продолжить работу русского университета в г. Воронеже, Совет обратился к правительству России с просьбой о переводе в Воронеж. Власти г. Воронежа также поддержали эту просьбу. И 18 мая 1918 года Советское правительство решило вопрос в положительном смысле. А с 28 мая 1918 г. Советское правительство начало финансирование русского (Воронежского) университета, по теперь уже в Дерпте, т.е. на оккупированной немцами территории. Таким образом, фактически и юридически Юрьевский университет стал Воронежским университетом в Дерпте. При этом отметим, что проблема ректорства на протяжении всего спора между немецкими и русскими интересами не возникала. Отсюда следует, что независимо от места пребывания университета ректором оставался профессор

В.Г. Алексеев, который с 18 мая 1918 года начал нести ответственность за имущество и персонал русского университета уже как Воронежского, хотя и в Дерпте, получая за это заработную плату как Советский служащий. Таким образом, В.Г. Алексеев был последним ректором Юрьевского университета и первым ректором Воронежского университета.

Послесловие. Не скроем, желание опубликовать данную заметку у нас возникло после выхода в свет статьи профессора М.Д. Карпачева, посвященной опубликованной нами брошюре с замечаниями по истории ВГУ. В своей брошюре мы не обмолвились ни одним словом о какой-либо сенсационности и совсем не претендовали на похищение научной славы уважаемого нашего университетского историка — профессора М.Д. Карпачева. Мы просто выразили озабоченность тем, что современными историками в нашем университете незаслуженно принижена роль такого крупного математика и университетского организатора, как В.Г. Алексеев. Мы всего лишь читатели, имеющие свой «внутренний взгляд» (как профессиональные математики, как сотрудники ВГУ, как жители Воронежа) на события тех лет и на роль в них некоторых ученых-математиков.

Один из аргументов уважаемого историка, объясняющего его позицию по отношению к В.Г. Алексееву, состоит в том, что В.Г. Алексеев слишком мало работал в ВГУ и не оставил свой след в нашем университете. Его фраза «Уверенно можно говорить о том, что в становление математического университетского образования в Воронеже решающую роль сыграл юрьевский ученый Н.П. Самбикин. При этом более заметную, чем проф. Алексеев, уже хотя бы потому, что он остался в Воронеже и после завершения гражданской войны» вызывает у нас, мягко говоря, несогласие. Он даже ставит в вину В.Г. Алексееву его отъезд из Воронежа, считая, что он бросил свое детище — новый университет на произвол судьбы. Почему-то наш оппонент не хочет или не может понять, что важнейшей причиной отъезда Алексеева является его происхождение. Родовые линии В.Г. Алексеева уходят в казачество, в Войско Донское. Отношение к казакам в 1919 году в молодой советской республике было отрицательное и, более того, росло гонение на казаков. В.Г. Алексеев не мог не сознавать того, что его дальнейшее пребывание в ВГУ не сулит, мягко говоря, ничего позитивного. Это во-первых. Во-вторых, за более чем годовое пребывание в Воронеже он успел прочитать не менее трех раз свой уникальный курс аналитической геометрии. Даже в наше время этот курс сделал бы честь любому университету. Записки его лекций по данному курсу хранятся в отделе рукописей библиотеки им. И.С. Никитина.

Мы полностью согласны с замечанием о том, что «Научные и педагогические традиции Юрьевского университета, перенесенные на воронежскую землю, сыграли самую благоприятную роль в судьбе воронежского университета». Только слово «благоприятную» нужно было заменить на «основополагающую». Далее в статье приведен список выдающихся ученых ВГУ, внесших бесценный вклад в становление ВГУ. Математиков среди них нет. Нет там ни проф. В.Г. Алексеева, ни проф. П.П. Граве. Смеем вас уверить в том, что если бы не энергия и вера В.Г. Алексеева в будущее, то вряд ли столько профессоров приехало бы в Воронеж из Юрьева. Доцент Н.П. Самбикин по инициативе В.Г. Алексеева был приглашен на работу в Воронежский университет, о чем написала в своих воспоминаниях в 1968 г. М.В. Самбикина (жена Н.П. Самбикина). Являясь

последователем В.Г. Алексеева, он развивал впоследствии геометрическое образование в ВГУ, заложенное В.Г. Алексеевым. В своих лекциях по аналитической геометрии он пользовался конспектами курса лекций В.Г. Алексеева. Особую актуальность и значимость этому курсу придавало то, что через него «красной нитью» проходила теория инвариантов — предмет активного исследования В.Г. Алексеева. Его достижения по теории инвариантов принесли ему международную известность. Открытия В.Г. Алексеева по данному предмету отмечали даже крупные европейские физики и химики (это подробно описано в нашей брошюре). Почему-то этих важных исторических фактов не хочет замечать наш уважаемый оппонент. С непонятным упорством он обходит в своем изложении и «Большую математическую энциклопедию» (изданную еще в 60-тые годы), в которой указано, что основы математического образования в ВГУ были заложены первым ректором ВГУ В.Г. Алексеевым. Есть и другие странные особенности в критической заметке М.Д. Карпачева, о которых, возможно, следовало бы поговорить. Но не хочется заниматься «кухонными дрызгами». И так все ясно!

Литература

1. История отечественной математики, т.3 / (отв. Редактор И.З.Штокало) / К.:Наукова думка, 1968. – 728 с.
2. Черпаков П.В. Физико-математический факультет // Воронежский государственный университет к сорокалетию Великой октябрьской социалистической революции / Воронеж: изд-во ВГУ, 1957. – С.58-69.
3. Костин В.А., Сапронов Ю.И., Удоденко Н.Н. Виссарион Григорьевич Алексеев – забытое имя в математике (1866-1943) // Вестник ВГУ, серия физика, математика. – 2003. – №1. – С.132-151.
4. Воронежский университет. Страницы истории. Хронология / ред. И.И. Борисов, С.А. Запругаев / Воронеж: Издательство ВГУ, 2003. – 168 с.
5. Карпачев М.Д. Воронежский университет: Начало пути / Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – 112 с.
6. Карпачев М.Д. Воронежский университет: Вехи истории, 1918-2003 / Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – 472 с.
7. Гапонов П.М. Воронежский государственный университет. Справочник / Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – 156 с.
8. Костин В.А., Сапронов Ю.И., Удоденко Н.Н. Профессор Виссарион Григорьевич Алексеев и Воронежский Университет / Воронеж: типография ОАО «Концерн Созвездие», 2012. – 80 с.
9. Загоровский В.П. Воронеж: Историческая хроника / Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд., 1989. – 148 с.
10. Лаптева Л.П. В.Э. Регель как исследователь «Хроники» Козьмы Пращского и ее оценка в современной историографии // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ / Изд. ВГУ: Воронеж, 1997. – С.93-105.
11. Сент-Илер К.К. К истории Воронежского университета / Труды Воронежского государственного университета т.1 / Воронеж, 1925. – С.362-397.

**REAL FACTS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY HISTORY.
PROFESSOR OF PURE MATHEMATICS V.G. ALEXEYEV
AND HIS INCLUSION FOR VGU GENERATION**

V.A. Kostin, Yu.I. Sapronov, N.I. Udodenko

Voronezh State University,
Universitetskaya Sq., 1, Voronezh, 394006, Russia, e-mail: vlkosten@mail.ru

Abstract. Article is devoted to history of Voronezh State University generation and the role of mathematician V.G. Alexeyev being its first rector.